

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

Роман А. Ф. Писемского «Взбаламученное море»: Восприятие современников и история текста

Роман А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» был опубликован в 1863 г. в «Русском вестнике» и одновременно отдельным изданием. К этому времени литературная репутация Писемского была крайне невысока: публикация в редактируемой им «Библиотеке для чтения» «Фельетонов Никиты Безрылова» годом ранее уже вызвала шумный скандал. Воспринятые как прямое выражение позиции Писемского, «Фельетоны Никиты Безрылова» вызвали град обвинений в реакционности.

Реакция критики на «Взбаламученное море» была еще более агрессивной. В решительном осуждении романа оказались едины даже такие антиподы как Варфоломей Зайцев и Аполлон Григорьев. Единственная безусловно положительная рецензия на роман, напечатанная в газете «Киевский телеграф», вряд ли могла улучшить его репутацию — автор статьи на материале романа доказывал необходимость введения порки для правильного воспитания¹. Персонажи «Взбаламученного моря» быстро стали восприниматься как образцы цинизма и примитивности, а их автор — как образец пошлого и грязного писателя². Еще несколько лет они именно в таком качестве фигурировали в журнале «Искра»³.

Практически у всех критиков о «Взбаламученном море» сложилось схожее представление. В основном писавшие о романе современники сосредоточивались на идеологии произведения, которая определялась следующим образом: автор отрицает положительное значение реформ Александра Второго⁴, он ненавидит современную молодежь и винит в ее появлении Московский университет 40-х гг.⁵, сатирически изображает женскую эмансипацию и в пасквильном тоне отзывается о Герцене и Чернышевском. Критики подчеркивали, что такое изображение России полемично по отношению к ее изображению в романах Тургенева и Герцена⁶, однако чаще всего в статьях о романе обращалось внимание на связь «Взбаламученного моря» с романом «Что делать?» — полемика Писемского с Чернышевским парадоксально оборачивалась подобием основных принципов построения их произведений⁷.

На художественные особенности «Взбаламученного моря» внимания практически не обращалось: рецензенты отмечали лишь, что роман тенденциозен, а потому субъективен и односторонен и построен достаточно хаотично, без единой интриги⁸. Представление о романе как о лишенном авторской концепции копировании действительности подталкивало некоторых критиков к рассуждениям о сходстве произведения с газетным фельетоном⁹ или с памфлетом¹⁰. Подчеркивавшаяся таким образом ориентация романа на механистичное воспроизведение фактов, кажется, противоречила суждениям о субъективности и односторонности произведения¹¹. Однако авторская тенденция усматривалась в том, что один из критиков назвал «вероломной группировкой фактов» и «злонамеренным пересаливанием»¹², то есть отбором лишь порочащих российскую действительность явлений. Тем самым противоречие между фотографичностью и тенденциозностью «Взбаламученного моря» снималось.

Представления современников Писемского в конце 1920-х гг. явились одним из источников для описания «антинигилистического романа» — понятия, впервые введенного в работе А. Г. Цейтлина¹³. Все без исключения перечисленные выше суждения критики 1860-х гг. о романе Писемского вошли в определение этого жанра, а «Взбаламученное море» было объявлено одним из первых его образцов¹⁴. Практически таким же осталось описание «антинигилистического романа» и в современных исследованиях о нем — изменилась только оценка: теперь авторы обычно открыто выражают сочувствие авторам «антинигилистических романов»¹⁵.

Естественно, не все работы о «Взбаламученном море» сводятся к набору таких однотипных суждений, однако мнения подавляющего большинства критиков и современных исследователей здесь совпадают. Характерно, что почти у всех авторов, писавших о романе, есть общая предпосылка — это представление о том, что роман посвящен российской истории 1860-х гг. И современники Писемского, и следующие за ними ученые усматривают в истории некое общее направление развития и видят авторскую концепцию в осуждении этого направления. Поскольку обычно реформы Александра II воспринимались современниками как исторически прогрессивные, писателя обвиняли в реакционности и обскурантизме. Впрочем, отрицательного мнения о романе придерживались даже авторы, видимо, готовые поддержать Писемского в критическом отношении к российской истории. Так, рецензент аксаковского «Дня» был вполне согласен с Писемским в его скепсисе по отношению к новым веяниям в обществен-

ной жизни, однако увидел недостаток романа в изображении народа как темной массы, неспособной противостоять разрушительным переменам¹⁶. Тем самым критик указывал на абсолютизацию Писемским исторических событий последних десятилетий.

Таким образом, доминирующий в изучении творчества Писемского подход сложился в первых же рецензиях. Такое единодушие авторов большинства работ о романе позволяет выяснить, как замысел писателя соотносится с позицией критиков и исследователей. Дело в том, что Писемский еще дважды издавал свой роман в 1868 г. и 1884—1885 гг. (это издание состоялось после смерти автора, однако начало готовиться еще при его жизни¹⁷, причем в текст романа были внесены некоторые изменения, видимо, принадлежащие Писемскому). Писатель был болезненно мнителен и не мог оставить без ответа шквал критики, обрушившийся на произведение, которое он сам считал своим шедевром¹⁸. В настоящей работе проведен анализ изменений, внесенных в текст романа в отдельных изданиях 1863¹⁹, 1867²⁰ и 1884—1885 годов²¹. Отличия книжного издания от журнального варианта будут рассмотрены в отдельной работе.

Большая часть изменений, внесенных в текст романа, носит характер стилистической правки. Мы будем касаться тех различий между изданиями, которые нельзя объяснить исключительно стилистическими причинами. Почти все они введены в (изд. 1867 г.): реакция на отзывы о романе, естественно, последовала сразу после их появления. Тем не менее, (изд. 1884—1885 гг.) носит следы авторской правки, которая продолжает работу писателя над произведением. На этом основании изд. 1884—1885 гг. можно назвать источником окончательного авторского текста.

Часть изменений действительно кажется попыткой привести роман в соответствие с пожеланиями критиков. Писемский стремится не давать поводов обвинить себя в любви к крепостному праву. Перерабатывается важный эпизод, где главный герой — молодой помещик Бакланов — соблазняет крестьянку. В первом издании кажется, что крестьянка не возражает против домогательств барина: «Маша стыдливо, но ласково смотрела на него» (изд. 1863 г., т. 1, с. 237). В следующем издании романа это место изменено, видимо, с целью подчеркнуть отсутствие взаимности со стороны девушки:

Маша только и говорила:

— Ой, ой, нет! Ой, что-й-то, ой! (изд. 1867 г., с. 118).

Соответственно, вся сцена становится изображением насилия помещика над крестьянкой. Еще более усиливается это впечатление, поскольку изменяется характеристика, которую Бакланов дает всему эпизоду. Если в изд. 1863 г. он говорит о крестьянке: «Вообразите: девушка, которая отдается вам почти против воли» (т. 1, с. 285), то в изд. 1867 г. Бакланов описывает ситуацию так: «вообразите: девушку к вам приводят почти силой» (с. 128). Тема насилия помещиков над крепостными, таким образом, выделяется особенно сильно.

Далее в романе описывается, как мать героя силой выдает девушку замуж. В изд. 1867 г. изменены две реплики Бакланова. Во-первых, вместо брани по поводу матери и девушки («Чтоб черт вас обеих побрал» — изд. 1863 г., т. 1, с. 283) Бакланов произносит афористическое описание всего уклада жизни: «Это не жизнь, а каторга!» (изд. 1867 г., с. 128), которое скорее относится к крепостному праву в целом. Во-вторых, изменены слова Бакланова, которыми завершается его безуспешная попытка отговорить мать от ее поступка:

— Ну, Бог с тобой! Бог с тобой! — говорила Аполлинария Матвеевна, и затем заревела.

Этого Бакланов решительно не мог вынести.

— О-то, мерзость какая! — говорил он, уходя из комнаты и хлопая дверьми (изд. 1863, т. 1, 282).

Во втором издании последняя реплика героя звучит так: «Это черт знает что такое» (изд. 1867, с. 128) — измененное таким образом суждение скорее относится не к поведению матери, а к ситуации в целом.

В текст внесены также изменения, которые снимают элементы пренебрежительного отношения автора к крестьянам. Устранено слишком резкое сравнение в отзыве молодого чиновника о коллеге: «Что это вы в кабака сюда пришли? Ведь только мужики в кабаках так пишут просьбы!» (изд. 1863, т. 1, с. 333). Вместо этой фразы в изд. 1867 г. введена другая: «Вы, видно, не служить сюда поступили, а портить только, коли сами не понимаете — спросили бы» (с. 139).

Уточняется и отношение автора к переменам в российском обществе в целом. Снимаются самые резкие выпады против журналистики. Одна из глав, названная изначально «благодетельная гласность» (Изд. 1863, т. 2, с. 195), впоследствии называется «провинциальная гласность» (изд. 1867 г., с. 179). В этой главе описывается, как негодяй и преступник Виктор Басардин становится журналистом-обличителем.

Скорее всего, перемена названия указывает на критическое отношение скорее к провинции, чем к гласности. Вообще в романе ослабляется критика либеральной риторики: так, авантюристка мадам Базелейн в первой редакции охарактеризована как «очень умная и, главное, *развитая* женщина» (изд. 1863 г., т. 2, с. 151), а в изд. 1867 г. она «очень умная и развитая женщина» (с. 170). Напротив, тщательнее подчеркивается антипатия автора к дореформенной бюрократии. Например, подчеркивается литературный и условный характер одной рискованной шутки. После описания чиновника, угрожающего начальству, рассказчик говорил: «Если бы автор был хоть сколько-нибудь значительное лицо, то, по слабости человеческой, он непременно бы покровительствовал какому-нибудь подобному каналье» (изд. 1863 г., т. 1, с. 313). В следующем издании рассказчик выражается осторожнее: «По слабости человеческой, он не ручается, что бы не покровительствовал какому-нибудь подобному каналье» (Изд. 1867, с. 135).

В том же русле лежит и другая группа изменений. Читателю становится сложнее ассоциировать позицию писателя со славянофильской. В романе описывается «славянофильское» семейство, которое явно вызывает авторское сочувствие, однако теперь это сочувствие сложно принять за солидарность. В первой редакции жена героя Евпраксия, представительница этого семейства, понимает всю ничтожность своего мужа — главного героя романа — задолго до того, как эта ничтожность проявлялась на практике:

Да что bravo! А ты-то уж и на то-то, а ни на что не годишься! — сказала ему Евпраксия.

— Вы думаете! — спросил Бакланов, не совсем, видно, согласный с мнением жены.

— Уверена в том! — подтвердила та (изд. 1863 г., т. 2, с. 225).

В изд. 1867 г. цитированного диалога нет — Евпраксия не обладает уникальной проницательностью. В изд. 1884—1885 гг., т. 9, с. 102) также снято предложение, характеризующее прекрасное влияние Евпраксии на семейную жизнь всей семьи: «У Баклановых, по влиянию Евпраксии, осталось прежнее обыкновение ее матери: о серьезных и важных вещах думать много, а говорить мало» (изд. 1863 г., т. 2, с. 269).

Все эти изменения, кажется, работают на то, чтобы разъяснить «прогрессивный» смысл романа, неправильно истолкованного кри-

тикой как «антинигилистический». Однако появляются в романе и детали, которые способствуют тому, что создается впечатление «ретроградности» автора. Так, устраняются намеки на критику сословий в целом. Изменена острая фраза жены главного героя: «Скучно на вас, дворянство, смотреть: скучают, ничего не делают!» (изд. 1863 г., т. 2, с. 255), — теперь она относится только к главному герою: «Скучно на тебя смотреть: скучает, ничего не делает!» (изд. 1867 г., с. 192). Также сняты и слова «словоохотливого извозчика», обвинявшего в петербургских пожарах «купечество»:

— А болтают также и так, — продолжал разговорчивый извозчик, — что купечество; товару-то нет, а оно заручило его в казну, и теперь жжет, чтобы деньгами выбрать (изд. 1863 г., т. 3, с. 272).

Более того, теперь извозчик обвиняет в поджоге поляков, что вносит в роман Писемского вообще распространенную в более поздних «антинигилистических» романах антипольскую тему:

— А болтают тоже, и поляк это жжет, — продолжал разговорчивый извозчик (изд. 1867 г., с. 253).

Изменена Писемским и пространственная организация текста. В романе подчеркивается, что открыто жить с любовницей в России Бакланов не мог из-за «общественного мнения», осуждающего их, а также из-за возмущения крестьян безнравственностью помещиков (изд. 1863 г., т. 3, с. 149–150). Соответственно, противопоставляется поведение героини до того, как она покидает Россию («Софи почти всю дорогу сидела молча и надувшись» — изд. 1863 г., т. 3, с. 151), и после пересечения границы («В Дрездене, при блистании утреннего солнца, из отеля Гота вышли Бакланов и Софи, оба счастливые и довольные» — Изд. 1863, т. 3, с. 155). На пребывающих в России героев распространяются некие моральные нормы, которые не действуют за границей. В изд. 1867 г. глава об их отъезде полностью перерабатывается: в деревне Бакланов и Софи встречаются в Петербурге, но не могут ехать в одном экипаже в деревню (с. 228). Здесь видна принципиально важная для автора мысль о раздробленности России: если в первом издании рубеж действия норм морали отделяет Россию от других стран, то теперь он пролегает внутри страны, создавая барьер между провинцией и Петербургом. При этом Петербург во многом аналогичен западным городам, описание которых в романе остается почти неизменным. Такое противопоставление столицы и провинции по

этическому критерию и подчеркивание патриархальности деревенской нравственности также вряд ли соответствует пожеланиям критиков западнической и радикально демократической ориентации, в первую очередь определившим литературную репутацию романа. Тем самым позиция автора не тождественна ни «славянофильской», ни «западнической».

Наконец, нельзя и утверждать, что писатель уповает на «простой» народ. В начале романа Бакланов упоминает некоего нигилиста Проскриптского. Бакланов резюмирует свое мнение о Проскриптском: «Пиявка! Ко всем льнет!», с чем в (изд. 1863 г., т. 1, с. 180) тут же соглашается трактирный половой: «Уж именно-с!..». В изд. 1884—1885 гг. ответ полового снимается (т. 8, с. 137), и эта реплика уже не резюмирует всю сцену, в которой впервые упоминается будущий идеолог революционно настроенных героев. Соответственно, «нигилиста» осуждает только Бакланов — герой, этическое право которого на подобные суждения далеко не бесспорно.

Таким образом, автор, кажется, стремится избежать отождествления своей позиции с какой-либо из прямо высказанных в тексте точек зрения. Наиболее характерен здесь эпизод, в который в качестве одного из персонажей вводится сам Писемский (его имя прямо названо). Путем небольшого изменения подчеркивается условность этого образа, причем одновременно писатель демонстрирует свое ироничное отношение к рецензенту, считавшему автора двойником реального Писемского, а его появление в романе — «простым недосмотром, который зачеркнется самим автором при втором издании»²². Вместо короткой фразы «Собственно говоря, Бакланов был старый мой знакомый» (изд. 1863 г., т. 3, с. 20) в изд. 1867 г. появляется длинное и достаточно ироничное рассуждение:

Извиняюсь перед читателем, что для лучшего разъяснения смысла событий я по необходимости должен ввести самого себя в мой роман; дело в том, что Бакланов был старый мой знакомый (с. 200).

В изд. 1867 г. устранены отзывы этого псевдо-Писемского о Тургеневе, которые можно было принять за попытку автора посмеяться над своим литературным конкурентом:

Но, впрочем, как рассказывал мне Бакланов, она [Софи Ленева] говорила, что собственно душки были только Майков и Полонский... Хорошо еще, что Тургенев она не видела, а то вот бы беда! (изд. 1863, т. 3, с. 40).

Таким образом, автор вводит в текст как элементы, сближающие роман с требованиями критики, так и прямо противоречащие этим требованиям. Видимо, писатель не стремится ни «исправить» текст в угоду критике, ни сделать его еще более полемичным по отношению к требованиям современников. Скорее, Писемский хочет прояснить свой замысел, неверно истолкованный критикой. При этом автор подчеркивает, что его роман представляет собою не простое нагромождение не объединенных единой концепцией сцен. Акцентируется характерность всего изображаемого для России. Так, провинциальный город, в котором происходит большая часть событий, в первом издании находится на берегу моря — видимо, Черного или Азовского:

Бакланов, низко-низко опустив голову за окно, любовался изумрудной водой.

— И море теплою волной!.. — декламировал он (изд. 1863 г., т. 2, с. 27).

В следующем издании море не упоминается — видимо, город становится более типичным и менее экзотическим:

С густых и далеко разросшихся деревьев опахивало вечернею свежестью.

— Ночь лимоном и лавром пахнет! — продекламировал Бакланов, навевая на себя рукою в самом деле благоухающий воздух (изд. 1867 г., с. 144).

Видимо, со сходной целью замедлен темп действия: когда одна из героинь романа неожиданно заболевает и умирает после неблагоприятного поступка с нею главного героя (изд. 1863 г., т. 2, с. 186—188), это производит впечатление условного способа убрать ее из действия или прямолинейного выражения авторской морали. В изд. 1868 г. введен рассказ о переживаниях героини и постепенно развившейся из-за них болезни (с. 177). Соответственно, во втором издании смерть наступает не так внезапно, что делает эпизод менее условным.

Таким образом, роман должен восприниматься не как случайный набор фотографических зарисовок с натуры, а как выражение некоей идеи, имеющей отношение к русской жизни в целом. Центральная концепция романа, по всей видимости, не может быть охарактеризована ни как «нигилистическая», ни как «антинигилистическая», ведь изменения не отражают стремления автора ни к одному из этих полюсов. Напротив, писатель стремится скептически оценить все точки зрения, представленные в романе.

Особенно ярко заметна скептическая позиция автора на примере темы образования. Рецензенты романа, в первую очередь Ап. Григорьев, обвиняли Писемского в обскурантизме. При переиздании писатель снимает несколько фрагментов, которые могут показаться издевательством над Московским университетом 1840-х гг. Так, убраны элементы гротеска в образе инспектора Платона Степановича:

Волосы были каким-то пунктом помешательства Платона Степановича. Говорили, что ему иногда во сне снилось, что они, наконец, у него у самого отрастают; он их стрижет, а они все растут, так что он, в ужасе и весь в поту, просыпался! (изд. 1863 г., т. 1, с. 210).

В следующем издании это описание окрашено скорее добродушной иронией:

Волосы студенческие были одним из мучительнейших предметов для благородного Платона Степановича, насколько он, по требованию начальства, желал, чтобы они были острижены, настолько студенты не желали их стричь. (изд. 1867 г., с. 112).

Также во втором издании снимается намек на мелочную мстительность инспектора, отправляющего Бакланова в карцер за ехидное замечание: «Он в этом случае ему немного мстил за его намек на полковничий чин» (Изд. 1867, с. 112)²³. Кажется, что автор уменьшает степень гротеска в описании Московского университета 1840-х гг., символа культуры и образования. Однако уже здесь налицо некоторая двойственность: изменение образа инспектора подчеркивает, что власть, в общем-то, не была абсолютно чужда университетской молодежи и не стремилась уничтожить ее. Между тем студенты у Писемского явно настроены очень оппозиционно. Возникает ощущение, что состояние конфликта между студентами и властью не зависит от намерений столкнувшихся сторон.

Автор, действительно, не критикует образование само по себе, однако скептически относится к его роли в русской жизни. Образованные люди оказываются неспособны понять необразованных, и наоборот. Так, во втором издании убраны жалобы Софи Леневой на свою необразованность:

Пользуясь своим совершенным уединением, она по временам начинала разговаривать сама с собой:

— Ничему-то меня, глупую, не научили, — говорила она, — выдали Бог знает как замуж! (при этом Софи взглядывала на портрет покойного Ленева).

Муж еще, впрочем, лучше других был для меня; он по крайней мере хотел и старался сделать меня счастливой, а другие только губят меня... (изд. 1863 г., т. 2, с. 134).

Теперь героиня даже не осознает, что своего невежества следует стыдиться. Соответственно, во втором издании отсутствует неожиданно искреннее признание Софи в любви к Бакланову: «Ведь я люблю вас. Разве вам этого мало» (изд. 1863 г., т. 2, с. 29). Любовь между представителями разных культурных уровней в России становится невозможна. Разные стороны русской жизни разобщены, и это свойственно как шестидесятым, так и сороковым годам.

Представлению о разобщенности разных сторон российской жизни соответствуют неожиданность и случайность перемен, которые подчеркиваются в описаниях эволюции главного героя. В первом издании изменения в политических и общественных пристрастиях Бакланова, во-первых, мотивируются влиянием одного из персонажей:

Мой милейший Бакланов почти на моих глазах начинал перестраиваться.

Во-первых, после речей Евсевия Осиповича он об эстетическом журнале не говорил уж ни ползвуча. Потом однажды приехал ко мне (изд. 1863 г., т. 3, с. 34).

Во-вторых, этот процесс изображается как постепенный — о ходе этих перемен рассказчик сообщает еще раз: «Прошел месяц. В речах Бакланова начали появляться такого рода громкие фразы, что, покуда самый последний бедняк не сыт, ни один честный богач не должен спать спокойно» (изд. 1863 г., т. 3, с. 39). Во втором же издании все объяснения устраняются, а перемена изображается как почти мгновенная: «Очень недолго герой мой начал на моих глазах перестраиваться. Об эстетическом журнале он не говорил уже ни слова, а напротив, — в речах его начали появляться <...> громкие фразы» (изд. 1867 г., с. 204). Бакланов изменяется без всяких причин и мотивов, безвольно подчиняясь господствующей моде.

Герои романа подчинены не только духу времени, но и духу места, в котором они пребывают. В (изд. 1868) уменьшена роль одного второстепенного персонажа — лакея Баклановых Семена. Попав из города в поместье, Семен держится необычно. В изд. 1863 г. при первом появлении Семена в усадьбе Бакланов удивленно замечает: «Какой франт он стал!» (т. 1, с. 228). Когда слуга упоминается во второй раз, выясняется, что необычность его облика вызвана привычкой к городской одежде: «руки у него, по лакейской еще привычке, были в нитяных, белых перчатках, которыми он, сам правя, держал дегтярные

вожди, и в этом наряде, кажется, считал себя наряднее всего мира» (изд. 1863 г., т. 1, с. 249). Однако в изд. 1868 г. Семен вообще не появляется в усадьбе — тем самым из романа исчезает персонаж, сохранивший городские привычки при перемещении в деревенское пространство. В тексте подчеркивается, что Бакланов превращается из либерального студента в грубого помещика, способного на насилие над крестьянкой, тотчас же после приезда в свое имение. В изд. 1863 г. у Семена хотя бы некоторые привычки остаются прежними и в городе, и в деревне, однако при переработке текста даже такая возможность сохранить себя оказывается для героев Писемского под большим сомнением.

Представление о российской истории как хаотичном, неупорядоченном процессе, где отдельный человек не играет никакой роли, оказывается центральной концепцией, на прояснение которой направлены почти все изменения. Так же можно объяснить, например, «антипольский» выпад. Существование сословных конфликтов вполне заметно, например, в описании отношений крестьян и помещиков в романе — слова извозчика о поляках демонстрируют наличие в России и национальных противоречий. Здесь Писемский словно отвечает на претензии одного из рецензентов, который заявил, что не показанные в романе достоинства русского народа доказываются вспышкой патриотизма при польском восстании²⁴. Писемский упоминает о ненависти к полякам, но от этого рисуемая им картина не становится менее мрачной.

Такая концепция истории противоречит попыткам современников Писемского и их последователей определить роман как «реакционный». Нигилисты предстают в нем совершенно типичным для России явлением. Традиционные попытки истолковать «Взбаламученное море» на основании понятия исторического развития не имеют под собою почвы, поскольку представление о едином процессе изменения России вообще не свойственно автору романа. Историческая динамика предстает в романе не общей тенденцией, а набором случайных перемен. Соответственно, русское общество подчиняется лишь одному закону — отсутствию упорядоченных законов. Разные части социума постоянно пребывают в состоянии разобщенности, и не существует средств найти некий общий смысл или хотя бы общие тенденции их изменения. В этом царстве случайности человек обречен на бессмысленное подчинение не поддающимся пониманию процессам и пассивное следование прихотям истории.

Примечания

- ¹ См.: И. К. Мысли о «Взбаламученном море» // Киевский телеграф. 1864. 3 июля. № 73. С. 379; Киевский телеграф. 1864. 5 июля. № 74. С. 383.
- ² См.: Н. Б. Текучая беллетристика // День. 1864. № 32. С. 19.
- ³ См., например: Искра. 1863. № 40. С. 559.
- ⁴ См.: Зайцев В. Взбаламученный романист // Русское слово. 1863. № 10. С. 23–44.
- ⁵ Ред. [Григорьев А. А.] Взбаламученное море. Роман в шести частях А. Ф. Писемского // Якорь 1863. № 21. С. 410; Взбаламученное море. Роман в шести частях А. Ф. Писемского. (Русский вестник. 1863) // Голос. № 317. С. 1254. На это, впрочем, возражал П. В. Анненков (Анненков П. Взбаламученное море. Роман г. Писемского (Русский вестник. 1863. № 3–8) // Санкт-петербургские ведомости. 1863. 9 (21) нояб. № 250. С. 1018).
- ⁶ Ред. [Григорьев А. А.] Взбаламученное море. Роман в шести частях А. Ф. Писемского // Якорь. 1863. № 22. С. 427–428.
- ⁷ См.: Н. Б. Текучая беллетристика // День. 1864. № 31. С. 17–19; Отечественные записки. 1863. Т. 149. № 8. С. 97.
- ⁸ См., например: Анненков П. Указ. соч. С. 1017.
- ⁹ Н. Б. Текучая беллетристика // День. № 32. С. 17.
- ¹⁰ Е. Э-нь [Эдельсон Е.] «Взбаламученное море». Роман А. Писемского (Русский вестник. № 3–8) // Библиотека для чтения. 1863. № 11. С. 22.
- ¹¹ См.: Аннеков П. Указ. соч. С. 1018; Н. Б. Текучая беллетристика // День. 1864. № 31. С. 17; С. И. С-в-ский. Новый фазис деятельности г. Писемского // Одесский вестник. 1865. 8 июля. № 147. С. 489–490; Ред. [Григорьев А. А.] Взбаламученное море. Роман в шести частях А. Ф. Писемского // Якорь. 1863. № 20. С. 386.
- ¹² С. И. С-в-ский. Новый фазис деятельности г. Писемского // Одесский вестник. 1865. 8 июля. № 147. С. 489.
- ¹³ См.: Цейтлин А. Г. Сюжетика антинигилистического романа // Литература и марксизм. 1929. Вып. 2. С. 47–52, 55–57.
- ¹⁴ См.: Сорокин Ю. С. Антинигилистический роман // История русского романа. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 97–120; Батюто А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов // История русской литературы: В 4 т. Т. 3. Л., 1982. С. 279–314.
- ¹⁵ См., например, заключение работы, во многом посвященной антинигилистическому роману: Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М., 2003. С. 339–352.
- ¹⁶ См.: Н. Б. Текучая беллетристика // День. 1864. № 32. С. 19.
- ¹⁷ См. письмо Писемского В. А. Куликовой от 25 апреля 1878 года о переговорах с издателем М. О. Вольфом: Писемский А. Ф. Письма. М.; Л., 1936. С. 383.
- ¹⁸ См. письмо Б. Н. Алмазову от 15 ноября 1862 года: Писемский А. Ф. Письма. С. 153.

- ¹⁹ Писемский А. Ф. Взбаламученное море. т. 1–3. СПб., 1863. Далее ссылки на это издание даются с обозначением (изд. 1863 г.).
- ²⁰ Писемский А. Ф. Взбаламученное море // Писемский А. Ф. Собр. соч. Т. 4. СПб., 1867. С. 68–256. Далее ссылки на это издание даются с обозначением (изд. 1867 г.).
- ²¹ Писемский А. Ф. Взбаламученное море//Писемский А. Ф. Собр. соч. Т. 8–9. СПб.; М., 1884–1885. Далее ссылки на это издание даются с обозначением (изд. 1884–1885 гг.).
- ²² Н. Б. Текучая беллетристика // День. 1864. № 32. С. 18. Сходные мысли высказывал и П. В. Анненков (Указ. соч. С. 1017).
- ²³ Устранение этого эпизода связано с комичным письмом сына прототипа героя Писемского, который возмущенно настаивал на том, что его отец не мог обидеться за намек на свой невысокий чин, поскольку всегда предпочитал следующему чину годовой оклад жалованья (см.: Нахимов А. Письмо к издателю «Русского вестника» // Московские ведомости. 1864. 24 марта. № 67. С. 3). Характерно ироническое отношение автора к критике: принципиальные упреки остаются без прямого ответа, тогда как претензии лично оскорбленного читателя удовлетворяются, причем одновременно с этим Писемский пытается растолковать смысл своего произведения не понявшим его читателям. Впрочем, внесенные в текст романа изменения вряд ли могли обрадовать автора письма, ведь слова о «полковничьем чине», который был для инспектора училищ «до самой смерти какою-то неосуществляемую мечтой», сохранены в изд. 1868 г. (см. с. 112).
- ²⁴ См.: Взбаламученное море. Роман в шести частях А. Ф. Писемского. (Русский вестник. 1863) // Голос. № 317. С. 1254.